

ПРОБЛЕМА САМОСОЗНАНИЯ, КАК УСЛОВИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ТОЖДЕСТВА ЛИЧНОСТИ, В ФИЛОСОФИИ ВЕНИАМИНА АЛЕКСЕЕВИЧА СНЕГИРЕВА

Бондаренко Виктория Викторовна

*К.м.н., доцент, с.н.с., Дальневосточный федеральный университет
bondarenko.vv@dvvu.ru*

THE PROBLEM OF SELF-CONSCIOUSNESS, AS THE CONDITIONS OF EXISTENTIAL IDENTITY OF THE PERSON, IN PHILOSOPHY OF B. A. SNEGIREV

V. Bondarenko

Summary. The article discusses the concept of «I», which belongs to the famous Kazan thinker Benjamin A. Snegirev, designed to reveal the reality of the inner world of man through the phenomenon of self-consciousness. The author of the concept presents the original interpretation of the most commonly used concepts of religious and philosophical anthropology, which are not always unambiguously interpreted. Kazan philosopher-theist, remaining within the framework of the subject field of religious philosophy and psychological empirics, from the standpoint of an individual approach, substantiates the anthropological principles of personal existence and the substantive organization of the human soul. Through the consideration of the features of age, social, role, and borderline and psychoevident states, the category of self-awareness is revealed to them as a necessary condition for the unity of the individual, spiritual and physical life of a person. In this case, the personality does not appear as an abstract concept, but as a designation of a unique life form manifested through self-consciousness and embodying the fullness of human existence. The article uses the following methods: historical, reduction, reconstruction, contextual analysis, party.

Keywords: soul, spirit, consciousness, personality, «I» — concept, feeling.

Аннотация. В статье обсуждается концепция «я», принадлежащая известному казанскому мыслителю Вениамину Алексеевичу Снегиреву, призванная раскрыть реальность внутреннего мира человека через феномен самосознания. Автором концепции представлена оригинальная трактовка не всегда однозначно трактуемых наиболее общеупотребительных понятий религиозно-философской антропологии. Казанский философ-теист, оставаясь в рамках предметного поля религиозной философии и психологической эмпирии, с позиции индивидуального подхода обосновывает антропологические принципы личностной экзистенции и субстанциональной организации человеческой души. Через рассмотрение особенностей возрастных, социально-ролевых, а также пограничных и психодевиянтных состояний категория самосознания раскрывается им как необходимое условие единства личности, духовной и физической жизни человека. В данном случае личность выступает не как абстрактное понятие, а как обозначение уникальной жизненной формы, проявляющейся через самосознание и воплощающей всю полноту человеческого бытия. В статье использованы следующие методы: исторический, партийный, редукционный, реконструкции, контекстного анализа.

Ключевые слова: душа, дух, самосознание, личность, «я» — концепция, чувство.

Введение

В. А. Снегирев — основоположник философско-антропологического «поворота» в традиции академического теизма

Глубина и одновременно виртуозность решения вопросов на первый взгляд представляющихся не очевидными в силу абстракции описываемых феноменов, пожалуй, наиболее кратко характеризуют культуру научного мышления и в целом интеллектуальное наследие профессора — теиста Казанской духовной академии Вениамина Алексеевича Снегирева (1842–1889). Практически воплощая в науке принцип системности В. А. Снегирев полагал, что основой философских наук должна

быть именно психология, поскольку ближайшим образом именно в ней ставится задача изучения феномена сознания человека и его содержания — философских категорий и проблем [6, 15]. С нашей точки зрения главным принципом, системообразующим элементом междисциплинарной научной методологии философа-теиста является интегративное объяснение процессов возникновения, развития, акме и инволюции психической реальности во всем феноменологическом многообразии ее комплексов, структуры, а также сущностной природы человека.

Появление психологии как оригинальной отрасли знания обусловило новый контекст философской и богословской рефлексии, что привело в середине

XIX века к формированию мощного направления отечественной традиции религиозной философии, связанного с попытками определить отрасли, собственный предмет и методологическую базу для новой науки о человеческом духе [12; 20, с. 5]. В этом смысле профессор-теист Вениамин Алексеевич Снегирев, безусловно являясь одним из родоначальников психологии как таковой, успешно продолжает научно-ориентированные установки своего предшественника — киевского психолога, философа и богослова Петра Семеновича Авсенева (1810–1852), преодолевая контрпродуктивные увлечения последнего схоластикой и апелляцией к Священному Писанию [1; 5, с. 26]. Результатом научной и педагогической деятельности профессора Снегирева является формирование и развитие философско-психологической школы, определившей своеобразие и уникальную историческую значимость традиции Казанской духовной академии в целом [2, 3, 9, 13, 14, 21, 25, 26, 27]. Несколько позднее соратником Снегирева в борьбе с западноевропейской априорной метафизикой, материализмом и позитивизмом О. Конта становится, председатель Московского психологического общества, редактор передового для своего времени журнала «Вопросы философии и психологии» профессор Московского университета Лев Михайлович Лопатин (1855–1920), чей спиритуалистический монизм можно рассматривать как прямое продолжение индивидуалистического учения Снегирева о закономерностях жизни человеческого духа, проявляющихся в феномене самосознания [7; 8; 24, с. 199–200].

Вероятно, ответ на вопрос о природе самобытного дарования Вениамина Алексеевича — богослова, филолога, переводчика, философа, логика, психолога, метафизика — возможно найти при внимательном прочтении его биографии. Особенности семейного воспитания, положившего с раннего детства навык самодисциплины, самонаблюдения, активного нравственного чувства, сопряженного с высоким личным идеалом христианства, привычка и любовь к умственному труду, в последующем нашли естественное продолжение в характере полученного им разностороннего, но при том основательного образования [22, с. 5–10]. Обаяние личности самого ученого и непреходящая актуальность его строгих научных рассуждений связаны с их укорененностью в жизни, уникальным опытом творческой работы над самим собой. «Подобное познается подобным» звучит банально, но многое из реальности духовного мира станет очевидным для наших современников, если только они согласятся сделать шаг навстречу носителю той духовной традиции, которая будучи по настоящему гуманной, утверждает высокое достоинство человека и познается опытно через соучастие и сопереживание, а главным образом в силу предельного интереса к человеческой личности,

т.е. самому человеку в единстве его духовной и физической реальности [11, с. 140–143].

Продолжая энтимему о субстанциональности души, начатую в статье с одноименным названием, профессор В.А. Снегирев в следующей своей публикации привлекает категорию личности и связывает ее с развернутым представлением о генезисе самосознания. Таким образом, его работы «О субстанциональности души» [15] и «Самосознание и личность» [17], размещенные последовательно в первой и второй части богословско-философского журнала Харьковской духовной семинарии «Вера и разум» за 1891 год, представляют систематическое изложение я-концепции — завершеного учения о закономерностях внутренней жизни человека, которое может быть положено в основание предметного поля психологии как философской, так и научной. Отвечая на запросы времени, связанные с необходимостью возвращения в историю философии имен, скорее всего по конъюнктурным интересам преданных в прошлом забвению, Общество памяти игумении Таисии (Санкт-Петербург) в 2015 году выпустило в свет сборник, объединивший вышеуказанные работы В.А. Снегирева и теперь эта религиозно-философская концепция доступна для широкого круга читателей [19].

Самосознание как атрибут метафизической реальности

По определению философа самосознание — состояние человека как особого существа, резко отделенного от всего окружающего мира, «внутреннее, неизменно и постоянно присущее в том или другом виде в каждый момент его сознательной жизни, соприсутствующее каждому его изменению, деятельности, вообще всем другим его состояниям» [19, с. 37]. Предполагая, что самосознание осуществляется в идее «я», исследователь переходит к ее рассмотрению. Как следует из дальнейших рассуждений философа-теиста, идея «я» имеет двойственное основание. С одной стороны, сопрягается с категорией личности, когда «словом «я» обозначается весь человек со всеми свойствами его духовными и физическими, со всем содержанием и строем его жизни» [19, с. 38]. С другой стороны, означаемое словом «я» является только основой и носителем, субъектом и производителем всех жизненных феноменов. Таким образом, вся осознаваемая совокупность душевной и физической деятельности мыслится как нечто, являющееся принадлежностью этого «я». Притом само оно при всех самых глубоких изменениях жизни остается простым, тождественным самому себе от начала и до конца. Подобная трактовка идеи «я», прямое и непосредственное восприятие духом или душой человеческою своей метафизической нефеноменальной сущности, лежащей в основе всех явлений душевных, как указывает Снегирев, имма-

ненно связана с представлениями о бытии и субстанциональности человеческой души [19, с. 39; 20, с. 6].

По мнению философа-теиста, основную проблему для исследователей представляет тот очевидный факт, что по своему составу идея — «я» не просто сложна, но «одна из самых сложных» [19, с. 40]. Единство личности есть единство многокомпонентной ассоциации, возникающей постоянно, точно так же как все другие идеи о внутреннем и внешнем. Причем, и это бесспорный факт, вышеуказанное единство постоянно нарушается. Науке известны явления диссоциации также мультипликации личности и, вообще, ее трансформации. Однако, как утверждает Снегирев, вышеописанные факты вовсе не означают, что идея «я» — личности опровергает представления об особой духовной сущности, лежащей в основе душевной жизни. Его психологическая теория призвана разрешить противоречия, связанные с неверной трактовкой самосознания и идеи — «я» представителями идеалистического, феноменологического, а главным образом материалистического направления в психологии, которые трактуются им как противоположные крайности.

Концептуально и практически реализуя системно-генетический подход, В.А. Снегирев рассматривает каждый элемент психической реальности в его связи и взаимодействии с другими внутренними и внешними элементами, прослеживает трансформации, происходящие в человеческом сознании в результате изменения отдельных переменных, делает обоснованные выводы относительно закономерностей развития личности, дифференцирует состояния нормы и патологии. В качестве основополагающих им формулируются следующие постулаты: а) самосознание развивается постепенно; б) идея личности — «я» сложна и изменчива; в) самооткрытие духа как неизменной, единой и себе всегда равной субстанции осуществляется в идее личности — «я»; г) это самооткрытие есть необходимый вывод и постулат сознания, а не простое и непосредственное восприятие. Будучи далек от мысли, что его концепция может быть представлена как некая догма, но оставляя возможность для сомнения — фальсификации — необходимого критерия научного знания, профессор В.А. Снегирев делает следующие уточнения. Предметная область исследования обуславливает тот факт, что учение о самосознании и идее-«я» может быть изложено исключительно в виде гипотезы — предположения и проверено, по крайней мере на данном этапе развития науки, только на основании личного опыта каждого — непосредственным сознанием. Согласно концепции ученого, как каждая сложная идея, процесс развития самосознания и становления идеи личности — «я» представляет собою длинный и сложный процесс, состоящий из элементарных «духовных деятельностей»,

который в силу повторения и слияния последних получает возможность возникать моментально [19, с. 43]. Исследователь Н.К. Гаврюшин отмечает разнообразие в подходах Снегирева к раскрытию феномена самосознания: с метафизической точки зрения философ-теист рассматривает духовное начало как модус, обуславливающий единство сил личности; с другой стороны, будучи психологом-эмпириком, ставит психологию в один ряд с естественными науками, использует логические и интроспективные методы для обоснования своей концепции «я» [4, с. 267]. При этом очевидно, трактуя психологию как науку о неизменных законах и формах душевной жизни в ее цельном составе и разнообразных градациях, основополагающее значение профессор Снегирев придает именно феномену самосознания, поскольку только в нем и через него может быть раскрыто индивидуальное самодеятельное начало [20, с. 26; 23, с. 2; 16, с. 450]. Более того, «внешнее является только во внутреннем, и для человека оно, строго говоря, есть только внутреннее» [16, с. 448]. Коренная задача психологии видится ученому гораздо глубже, а именно «в возможности произвести синтез всего содержания души и его строя, начертать цельный образ души человеческой, как она дана в научном внутреннем опыте, наблюдении и исследовании» [цит. по 10, с. 115].

Этапы становления личностного самосознания

Снегирев выделяет последовательные этапы развития самосознания. При этом рассматривается несколько групп частных явлений — ощущения, мышления, чувства и воли, представляющих область ведения исключительно психологии как положительной науки [16, с. 428; 20, с. 115; 23]. На первом этапе от рождения индивидуума особая роль придается таким элементарным актам психической жизни как ощущения, преимущественно постоянным. Это «мышечное» чувство, ощущения, сопровождающие процессы дыхания, кровообращения, питания, выделения, вообще нервной деятельности. Существенно не изменяясь на протяжении всей жизни, они служат опорой тождества сознания [19, с. 45]. Далее, с течением времени к постоянным ощущениям присоединяются непостоянные, которые часто сменяются, сопровождая физиологические процессы организма. Это ощущения приятности и неприятности, здоровья и болезни. Причем болезненные состояния в большей мере подвигают к самососредоточенности, ощущению своей «особости». По Снегиреву, этот комплекс ощущений формирует «всегда темное и неопределенное чувство бытия, общее всем животным» [19, с. 46]. Однако, именно этот комплекс представляет «подлежащее» всех проявлений человеческой деятельности, постоянный и неизменяемый субъект, находящийся в связи со всеми процессами, насколько они осознаются как процессы,

совершающиеся в организме одновременно, «как фон картины со всем, что на ней изображается» [19, с.47].

Следующий этап — собственно пробуждения самосознания — наступает у ребенка по мере усложнения чувства бытия, большей организованности внутренних процессов и по существу связан с формированием способности к произвольному движению, хотя и смутным, но представлением о себе как некотором центре силы. С течением времени после более или менее продолжительных опытов складывается стабильная ассоциация представлений о своем собственном теле и отношении к нему постоянных и периодически возникающих состояний. Именно на этом этапе, по мнению ученого, впервые — вдруг и со всей определенностью младенец кратковременно переживает момент самосознания, впечатление, «что этот организм его собственность, что это — он сам» [19, с. 49]. Окружающая действительность при этом также предстает в новом свете рельефно и отчетливо, оставляя зачастую яркие впечатления и образы на всю оставшуюся жизнь. После этого напряженного, а потому кратковременного момента снова наступает погружение в прежнее бессознательное состояние. Но, как утверждает Снегирев, тем не менее, в это мгновение «совершается великий переворот в субъекте: животный индивидуум превращается в человека, и зарождается разумный свободный дух, способный теперь к бесконечному развитию и совершенствованию» [19, с. 50]. О факте первого пробуждения наиболее явно свидетельствует возникающее любопытство и повышенный интерес к окружающему миру, которые легко зафиксировать, наблюдая даже и за младенцем. Таким образом однажды пережитое различие себя — «я» впоследствии повторяется по общим законам воспроизведения всякого уже сложившегося душевного состояния, со временем становится постоянным состоянием духа, а точнее — привычной, едва различаемой его деятельностью. Как правило, в этот период пробуждения самосознания — младенчества, последующего затем детства, а возможно и гораздо дольше субъект продолжает отождествлять себя, свою личность — «я» исключительно с телом, т.е. своим организмом, который видимо присутствует, страдательно и деятельно объединяя в себе все жизненные процессы, изменения и состояния одинаково внутренние и внешние. В любом случае в составе идеи личности этот образ телесный, представление о нем остается навсегда; как эмпирическая основа сознания навсегда остается и комплекс постоянных ощущений — «чувство бытия» [19, с. 53].

Дальнейшее становление самосознания связано с концентрацией внимания индивида над процессами, составляющими жизнь духа, и в первую очередь простейшими из них — впечатлениями, воспоминаниями

некоторых образов, которые мало по малу уясняясь и соотносясь друг с другом накапливаются, становясь достоянием внутреннего бытия, отличного от тела. Постепенно к этим устойчивым комплексам присоединяется чувство духовной силы, способности производить при определенных условиях действия — операции, относящиеся к памяти, воображению, желаниям, возможности принятия решений, внутреннего усилия, волнения. В еще большей степени проясняется глубина самосознания в том случае, когда реальностью духовной жизни становятся представления о добре и зле, пробуждается и начинает действовать со всей очевидностью нравственное чувство, не просто как случайная интенция, но мотивируя своего носителя к осознанному личностному росту [19, с. 55]. Вместе с этим нравственным опытом, рефлексивным повторяющимся отражением прошлого и настоящего, под словом «я» человек начинает подразумевать некое внутреннее существо, являющееся носителем определенного содержания и сил, даже самого тела как своей одежды. Обобщая сказанное, мыслитель делает основополагающий для дальнейших рассуждений вывод: «Теперь идея тела и его свойства примыкает только к образу души, как второстепенная часть ассоциации, составляющей полную идею «я» или личности» [19, с. 56]. Он продолжает свою мысль о том, что подобное представление о личности, ее составе характерно для всех без исключения людей, независимо от социального положения или уровня образования [18, с. 19]. Однако, в отвлеченном виде понятие о душе, безотносительно к свойствам или эмпирическому опыту — всегда простое, неизменное и тождественное оказывается доступно не каждому. Но именно чистое «я» являет собой действительную природу самосознания в каждый из периодов его развития.

«Трудные» вопросы: практические аспекты и ответы возможным оппонентам

Проследив таким образом историю возникновения идеи «я» — личности, мы убеждаемся, что эта идея так же, как и лежащий в основе ее процесс самосознания, чрезвычайно сложна. На отдельных этапах ее элементы последовательно объединяются сначала идеей тела, затем идеей внутреннего состояния, и, наконец, идеей души — духовной субстанции. Непрерывность и единство личности сохраняется в течение всей жизни в силу интеграции и преемственности формирующихся комплексов, когда от более простых форм осуществляется переход к следующей более сложной формации через включение предыдущей целиком [19, с. 57]. Но, однако, этой стройной последовательностью не может быть ограничена жизнь личности, как было выше сказано — феномена по своему существу замечательного и неповторимого.

Исследуя феномен личности, мыслитель, будучи верен себе, стремится не просто сформулировать оригинальную, внутренне непротиворечивую концепцию, что само по себе, несомненно, является научным прорывом, но апробировать ее, испытав самую жизнь, обращаясь к наиболее сложным примерам, как кажется могущим ее опровергнуть или хотя бы поколебать. При этом профессор-теист до конца своей жизни бескомпромиссно отстаивал специально-метафизический взгляд на природу духа, не признавая за психологами права трактовать этот вопрос как будто давно уже безусловно решенный в отрицательном смысле [10, с. 116; 18, с. 23]. Оговоримся сразу, что сами противники, отрицающие реальность души-субстанции как основы и деятеля в самопознании, совершают таким образом «метафизическое» убийство: будучи далеки от возможности хоть сколько-нибудь внятно ответить на разнообразные вопросы, касающиеся опыта внутренней жизни, отказывают при этом в праве на существование самому понятию, сопряженному с представлением о личном измерении человека [10, с. 139; 18, с. 11–12]. Философ-теист еще и еще раз обращает наше внимание на тот факт, что материалистический подход в психологии, вооруженный скепсисом по отношению ко всему духовному, неизбежно погружается в сумерки агностицизма, поскольку телесное вместе с присущим ему общим чувством, «называемым новым словом — «целестия», на которое в данном случае пытаются опереться, на самом деле определяется внутренними физиологическими процессами, неподконтрольно сознанию индивидуума и не способно к саморефлексии [19, с. 76]. С нашей точки зрения понятие «целестия» совпадает с понятием общее «чувство бытия», изложенным Снегиревым довольно подробно.

По мнению философа, сложный комплекс — содержание самосознания и строй идеи личности, воспринимаемый в каждый момент жизни как простой акт, преимущественно определяется комбинацией общих и частных элементов, когда наряду с преобладанием одной из форм «я» актуализируются представления о себе во взаимосвязи с внешним миром чрезвычайно разнообразных явлений, условий и отношений. В совокупности эти представления «я», частные формации личности и самосознания, сохраняя устойчивость на протяжении всей человеческой жизни, образуют громадную колонию, которая сопровождается смутным чувством общего сознания всех этих пережитых трансформаций и изменений, запечатленных в памяти в хронологическом порядке с различной степенью ясности [19, с. 63–64]. Некоторые формы превращения личности, так называемые состояния измененного сознания, сопровождающие сновидения, сомнамбулизм или погружение в гипноз, даже болезненные отклонения, проявляющиеся мультипликацией личности, в их генезисе только и могут быть объяснены исходя из «я» — концепции В. А. Снегирева.

Притом, как указывает автор концепции, средоточие, основа личности — ее душа — остается самостождественной, самостоятельной, активной, способной к самознанию. Меняются только состояния — маски, роли, которые представляют воспроизведение тех или иных форм самосознания, пусть не вполне сохранившихся в памяти индивида. Профессор-теист допускает возможность почти моментальной смены этих состояний, что, по его мнению, и обуславливает внешнее впечатление расщепления личности вплоть до, как кажется, ее уничтожения. Но на самом деле в каждое из этих мгновений личность, воплощающая единство души и тела, одна и та же, выстраивает и последовательно реализует свой жизненный сценарий в строгом соответствии с образом, заданным «я» — концепцией [19, с. 69–70].

Стоит отметить, что сообразно трем главным составным частям идеи «я» В. А. Снегирев усматривает наличие трех групп болезненных расстройств, связанных с превращением личности и имеющих реальную основу в прежних формах самосознания. Их причина по Снегиреву непостижима, но несомненно, имеет физический характер и таким образом оказывает влияние на деятельность души. Так первая группа патологических превращений личности связана с изменением общего чувства — его мышечной, кожной и прочих органических составляющих. Вторая группа характеризуется трансформацией сознания своих собственных внутренних сил — ума, чувства и воли; третья проявляется в изменении идеи души как сущностной основы всей личностной жизни [19, с. 66–67]. При этом разрыв господствующей иллюзорной формы сознания с предшествующими только кажущийся и не может быть объективно подтвержден. Таким образом, патологические диссоциации личности лишь только еще раз более рельефно указывают нам на многообразие процессов, связанных с самосознанием, но не опровергают гипотезы, «вынуждаемой необходимостью, ... а потому граничащей с действительностью». Лишь одна эта гипотеза, по мнению Снегирева, способна обосновать природу реальности, объединяющей наличное содержание самосознания и наблюдающей в нем и через него себя: «сила эта есть особый, духовный агент — душа — субстанция — особое существо, связанное с телом и от него отличное» [19, с. 76].

Профессор-теист напоминает, что признание начала духовного в своих эмпирических и логических основаниях представляется фактом не менее очевидным, чем признание материального. В явлениях самосознания это начало предстает как неделимый пункт энергии, сама в себе замкнутая реальность, способная к отражению собственных внутренних процессов и внешних изменений, обусловленных соприкосновением с материальным. До настоящего времени не теряет своей научной

и философской значимости метафизическое суждение профессора Снегирева о том, что «дух можно мыслить только как чистую энергию, деятельность которой и жизнь есть сознание и только сознание» [цит. по 10, с. 152]. Тогда как известно, напоминает исследователь, что основное свойство материи — бессознательность, т.е. неспособность к отражению. Завершая эту мысль о природе души, философ — теист прозревает содержание личных и безличных форм бытия, феномена жизни как такового: «из этого двойного отражения — материи в ее формах и себя в своих деятельности, в связи с различием — сравнением всего — состоит жизнь и деятельность этого пункта энергии, этого атома *sui generis* (в своем роде), как жизнь атома материального состоит в слепых сочетаниях с другими атомами и в образовании этим путем сложных движений и деятельности вещества» [19, с. 79].

Заключение

В качестве мыслителя-метафизика, будучи убежден в самостоятельном начале душевных явлений, профессор Снегирев последовательно отстаивает спиритуалистическую точку зрения как единственно научную и возможную. В качестве психолога-эмпирика, признавая специальную логику психологической науки, согласно собственному методу намеренно суживает рамки ис-

следования, ограничиваясь фактами эмпирического сознания. В его концепции метафизическому монизму как образу научной веры в области эмпирии имплицитно соответствует психологический монизм. Тем самым, избегая сомнительных с точки зрения объективной реальности метафизических абстракций, разлагающих, по его мнению, само понятие идеального, исследователь обращается к человеческой душе, духу через ее эмпирическое измерение, а именно — живую действующую личность, одновременно чувствующую, мыслящую и волящую, как она каждым сознается и познается в своем действительном существовании при раскрытии всех его внутренних и внешних условий. По Снегиреву содержание жизни личного и бессмертного духа состоит в его развитии — непрерывном творческом процессе преобразования идей, где все виды творений никогда не повторяются, а в каждый следующий миг живут и развиваются, усложняясь или сменяя друг друга. В цикле произведений, посвященных вопросам становления сознания главным образом как самосознания через постижение мира идей, разностороннему обоснованию реальности и нематериального существа человеческой души, философ-теист В. А. Снегирев предстает как создатель системной «психологии живой личности», разрабатывает «я» — концепцию — модель личности реальной, в самосознании воплощающей уникальность, многообразия и полноту бытия человеческой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авсенева П. С. Сочинения / ред. Волков А. Г., авт. вст. ст. Мозговая Н. Г. — Киев: НПУ им. М. Драгоманова; Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2016. — 243 с. (серия «Антология украинской мысли») [Электронный ресурс] / Книги онлайн. — Режим доступа: C:\Users\Manager\AppData\Local\Microsoft\Windows\Temporary Internet Files\Content.IE5\IDQEZMIW\compositions_avsenev.zip (дата обращения 28.07.2017).
2. Аронов А. Психологические основания нравственности. Казань, 1900 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 972. — 128 с.
3. Васильев М. Современное-психологическое и библейско-патристическое учение о сущности и свойствах страстей в их отличии от сродных с ними душевных явлений. Казань, 1898 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 368. — 170 с.
4. Гаврюшин Н. К. Этюды о разумной вере. Минск: Белорусская православная церковь, 2010. 656 с.
5. Костригин А. А. «История души» П. С. Авсенева как психологическая дисциплина // PEM: Psychology/ Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 20–29.
6. Костригин А. А. Системный подход к изучению души в трудах В. А. Снегирева // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Ч. 1. Методология системогенетического подхода. Конструктивные и деструктивные тенденции профессионального становления и реализации личности: материалы VII Международной научно-практической конференции, 22 октября 2015 г., г. Ярославль / под ред. проф. Ю. П. Поваренкова. Ярославль: Издательство ООО «Агентство Литера», 2015. С. 69–71.
7. Лопатин Л. М. Вопрос о реальном единстве сознания // Вопросы философии и психологии. М., 1899. Год X, кн. 49 (IV). С. 600–623; год X, кн. 50 (V). С. 861–880.
8. Лопатин Л. М. Подвижные ассоциации и представления // Вопросы философии и психологии. М., 1893. Год IV, кн. 19 (4). С. 1–35.
9. Матвеев А. Христианское учение о человеческой личности и его философско-психологическое обоснование в современном французском спиритуализме. Казань, 1906 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 378. 116 с.
10. Несмелов В. И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // Православный собеседник. 1889. № 5. С. 97–154.
11. Пинчук В. Ю. Метафизическая психология в русском духовно-академическом теизме XIX века: дис. ... канд. филос. наук / Пинчук В. Ю. М., 2004. — 169 с.
12. Пишун С. В. Духовно-академический теизм конца XIX — начала XX вв.: переход от «теологического рационализма» к «опытно-психологической» философии // Когнитивная целостность человека. Материалы международной научно-практической конференции. — Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2012. — С. 155–160.
13. Пхакадзе, Я. Критический разбор сочинения доктора М. Зеленского «Основы для ухода за правильным развитием мышления и чувства». Казань, 1878 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 456. 119 с.

14. Серафимов А. Психологические теории тождества личности перед лицом православно-христианского учения о личном бессмертии. Казань, 1898 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 85. 163 с.
15. Снегирев В. А. О субстанциональности человеческой души // Вера и разум. 1891. Т. II. Ч. I. С. 279–294.
16. Снегирев В. А. Психология и логика как философские науки. (Из вступительных чтений в курсы психологии и логики) // Православный собеседник. 1876. Т. II. С. 427–451.
17. Снегирев В. А. Самосознание и личность // Вера и разум. 1891. Т. II. Ч. 2. С. 335–359.
18. Снегирев В. А. Спиритизм, как философско-религиозная доктрина [Текст] / В. А. Снегирев // Православный собеседник. 1871. Т. I. С. 12–41; Т. III. С. 9–51.
19. Снегирев В. А. Субстанциональность человеческой души. Самосознание и личность. — СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. — 80 с.
20. Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений по психологии. — Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. — 700 с. [Электронный ресурс] / Электронная библиотека «Научное наследие». — Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10077270> (дата обращения 01.06.2017).
21. Соколов Т. Учение психологии о сущности художественного и научного творчества, его условиях, законах и формах — как доказательство истинности догмата богоподобия души человеческой. Казань, 1899 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 534. — 349 с.
22. Стоюхина Н. Ю., Мазиллов В. А., Костригин А. А. Вениамин Алексеевич Снегирев: психолог и богослов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 138–149.
23. Студенческие записки лекций по психологии, читанных В. А. Снегиревым. Отдел о чувствованиях. Казань, 1891 // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/5. № 993а. 207 с.
24. Троицкий И. Анализ проблем онтологии в философском наследии Л. М. Лопатина // Христианское чтение. 2012. № 2. С. 186–216.
25. Хапсаев Г. Учение психологии о мотивах, в особенности о мотиве долга. Казань, 1909 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 908. 40 с.
26. Чулков Н. Психологические теории характера и их оценка с православно-христианской точки зрения. Казань, 1898 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 703. 196 с.
27. Юрьев А. Учение Дарвина и его школы о происхождении и развитии психической жизни человека. Казань, 1878 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 566. 98 с.

© Бондаренко Виктория Викторовна (bondarenko.vv@dvfu.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

